

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РОДИНА

СМОЛЕНСКУ
1150 лет

09 2013
СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

12+

НОВОСТИ О ПРОШЛОМ

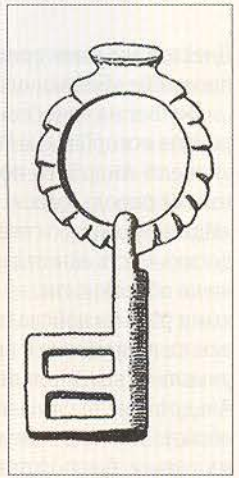

Андрей КУДРЯВЦЕВ

ГНЁЗДОВСКИЙ КЛЮЧ И ДРЕВНЕРУССКИЕ ЗАМКИ

Истоки запирания пространства

В самом начале XX столетия под Смоленском обнаружили древнерусский ключ. Предмет этот был выявлен в Гнёздово в одном из курганов X века с трупосожжением. Ключ принадлежал к византийскому кругу древностей, был совсем небольшого размера, подвешен на кольце, которое заменяет ушко. Вполне возможно, что подобные ключи были помещены в погребения в качестве амулетов. Помимо ключа, в кургане были выявлены железный топор, фрагмент бронзовой пряжки и пронизка из жёлтого стекла¹. Примечательно, что в этом же кургане был найден фрагмент ещё одного ключа, который имеет североευропейские аналогии.

Византийский ключ из кургана в Гнёздове.
Размер неизвестен.

Начало использования замков и ключей в средневековом обществе является признаком появления понятия о закрытом пространстве и маркером начала изменений взаимоотношений между его членами. Действие запирания пространства от других указывает на наличие общественного кодекса, который предписывает, что некоторые люди имеют право ограничивать доступ других к определённым предметам и местам.

Различие между закрытым и открытым пространством фиксируется уже в шведских средневековых провинциальных законах XIII–XIV веков: преступление, кража рассматривались теперь более сурово, если вещи были украдены в закрытом доме, комнате, сундуке².

При этом замки на начальном этапе их использования играли скорее сугубо символическую роль, чем практическую, об этом также свидетельствует тот факт, что они не отличались особой надёжностью.

В быту восточных славян накануне образования Древнерусского государства замки и ключи не применялись. В довольно разнообразный перечень кузнечных изделий различных археологических культур, относимых к славянским, замки и ключи не входят. Очевидно, что в этот период и не существовало особой необходимости в подобных изделиях, когда основной массив населения был сосредоточен на небольших неукреплённых поселениях и городищах, а социальная дифференциация ещё не достигла такого уровня, чтобы возникла потребность как-то закрывать своё жилище и скрывать имущество.

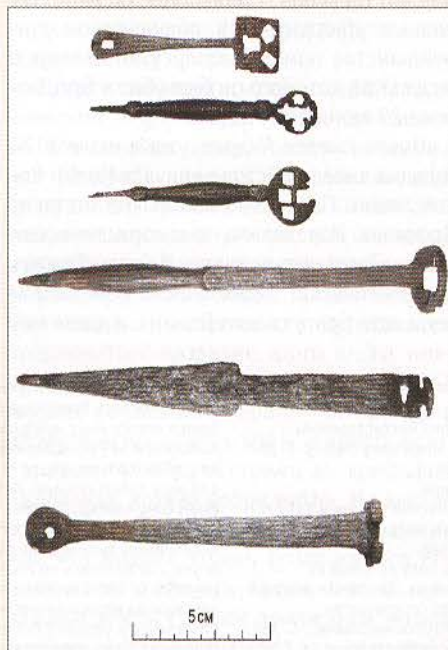
Появление первых замков и ключей на территории Древнерусского государства можно отнести к рубежу IX–X столетий, и связано это с началом активных славяно-скандинавских контактов и оседанием норманнов в ряде торгово-ремесленных поселений, расположенных по маршруту важнейшего торгового пути из варяг в греки.

Впервые же замки начали использовать ещё в Древнем Египте. Конечно, это были пока совсем простые и даже, можно сказать, примитивные формы этих изделий. Замки были деревянные, только ключ был металлический.

Ключ, найденный при раскопках в Гнёздове в июле 2013 года.

Ключи к висячим замкам (из раскопок в Новгородe).

Высокий уровень замочного ремесла был достигнут в период расцвета Римской империи, что выразилось в разнообразии форм и сложности механизмов этих изделий, а также в их широком распространении даже в самых отдалённых провинциях, например, в Британии.

Продолжали использовать деревянные запоры, но в то же время были широко распространены бронзовые и железные висячие замки, особо можно выделить зооморфные замки, которые были сделаны в виде различных животных. Были распространены и нутряные (врезные) замки от ларцов и сундуков.

Традиции изготовления замков и ключей, заложенные в античности, потом широко применялись и в средние века как западноевропейскими, так и древнерусскими замочниками.

Отдельные находки этих изделий были зафиксированы и за пределами границ Римской империи, на поселениях и в погребениях германских племён. Часть из них, безусловно, являлась импортом из городов империи. Известны и туалетные шкатулки с нутряными замками в богатых женских позднескифских и сарматских погребениях, привезённые из городов Северного Причерноморья.

Но с упадком Римской империи, миграциями населения в эпоху Великого переселения народов и последующей сменой археологических культур, замки и ключи уже практически не использовались в хозяйстве жителей Центральной и Восточной Европы.

Тем не менее ряд технологических приёмов при изготовлении замков и принцип работы механизма (расхождение пружин) был заимствован скандинавскими кузнецами из античной традиции. По всей видимости, это произошло благодаря связям с германскими племенами Центральной Европы, чья материальная культура испытывала позднеримское влияние.

Начало использования замков и ключей в Скандинавии можно отнести к концу вейдельской эпохи (VI–VIII века), а в эпоху викингов (IX–XI столетия) эти изделия использовались уже очень широко.

Помимо своего основного бытового назначения эти изделия играли и символическую роль, о чём свидетельствует тот факт, что их начинают помещать в погребения. Во многом их распространение связано с началом использования ларцов, которые сопровождают погребения уже в вендельскую эпоху, они служили признаком высокого социального статуса погребённого.

Аналогичные скандинавским типам изделия этой категории вещей были найдены при археологических исследованиях многих древнерусских поселенческих и погребальных памятников, где было зафиксировано присутствие норманнов (Гнёздово, курганы Юго-Восточного Приладожья и Ярославского Поволжья, Сарское, Новгородское городище).

Прежде всего это висячие (съёмные) призматические замки с прорезью в виде перевёрнутой буквы Т на корпусе. Такая прорезь была нужна для прохода ключа с плоской прямоугольной лопастью, который вставлялся в нижнюю щель и поднимался рукой. Соответствующие вырезы в лопасти ключа при поднимании вверх сжимали пружины, после чего вынималась дужка, и таким образом замок отпирался.

Впоследствии на Руси появились цилиндрические замки с точно таким же Т-образным отверстием для ключа. Ключ, относящийся к таким замкам, также имел плоскую лопасть, но уже круглую, а не прямоугольную. В дальнейшем обе эти формы сосуществовали. Замки с таким характерным отверстием для ключа использовались в качестве запоров от сундуков и ларцов. В X веке они представляли собой совсем миниатюрные запирающие устройства, размером не более 2–3 сантиметров. Основным материалом для изготовления подобных замков являлось железо и сталь, из которой делались пружины. Железные и стальные детали спаивались между собой посредством припоя на медной основе.

Спаивание деталей замка осуществлялось посредством помещения всего изделия в специальный горн, в огнеупорный сосуд (муфель) или в глиняную матрицу, где оно нагревалось в кузнечном горне³. Довольно часто корпус висячих замков омеднялся.

Изготовление замка требовало от кузнеца значительного профессионального мастерства, усилий и тонкой работы, особенно в отношении пружин, толщина которых варьируется от 0,8 до 1,2 миллиметра. В целом же висячий замок — сложное устройство, состоящее из более чем 30 различных деталей, это яркий образец средневековой техники.

В качестве запоров дверей на Руси использовались уже упоминавшиеся деревянные нутряные (врезные) замки, известные со времён Древнего Египта и Рима. По данным этнологов, в русской деревне их применяли вплоть до XX века, ими запирали хозяйственные сооружения и амбары. К сожалению, подобные

замки не сохраняются в культурном слое. Об их использовании мы можем судить только по находкам коленчатых железных ключей с зубами, относящихся к ним. Их механизм особой сложностью не отличался, зубы ключа соответствовали штифтам, которые, в свою очередь, выполняли функцию задержки засова.

Для ларцов применялись и более сложные конструкции цельнометаллических нутряных замков, но в ранний период это было довольно редким явлением. Для них использовался тот же принцип работы механизма, что и для висячих замков — принцип расхождения пружин.

В материале из раскопок большинства древнерусских городов навесные замки преобладали, нутряные замки употреблялись значительно реже.

Наиболее ранние находки древнерусских замков были зафиксированы при исследованиях древнейших напластований Земляного городища Старой Ладого. Присутствие норманнов в Ладоге фиксируется с момента её основания — с середины-второй половины VIII века.

Однако Ладога, скорее, исключение. На остальных древнерусских поселениях начало использования этих изделий достоверно мы можем отнести только к первой половине X столетия, когда их начинают помещать в погребения, по всей видимости, под влиянием скандинавской традиции. Во всяком случае, наиболее ранние погребения с замками и ключами на территории Древней Руси являются скандинавскими.

Н. А. Макаров, основываясь на данных этнологии, указывал, что большинство находок ключей и замков в курганах следует интерпретировать как свидетельства совершения различных магических обрядов, в том числе ритуального замыкания умершего на месте погребения⁴.

Наделение замков и ключей различными магическими свойствами связано и с более поздним временем, в XII–XIII веках их находки фиксируются в различных жертвенных комплексах,кладах. Об их активном использовании при проведении всевозможных магических, свадебных и погребальных обрядах свидетельствуют данные по этнографии славянских народов⁵.

Помимо этого, замки в погребения могли помещать и как символы благосостояния, большее количество ключей в женских погребениях, по всей видимости, связано с тем, что ключ также являлся и знаком хозяйки, хранительницы очага.

О глубоком символическом значении этих изделий свидетельствует также трапециевидная подвеска с княжеским знаком, найденная в одном из камерных погребений в Пскове. На одной её стороне находится двузубец, между зубцами которого помещено изображение коленчатого ключа от деревянного замка. На другой стороне размещено изображение хищ-

ной птицы, из головы которой «растёт» четырёхконечный крест. Погребение датируется третьей четвертью X века⁶.

В целом количество погребений с замками и ключами на территории Древней Руси незначительно, в наиболее крупных древнерусских могильниках их общее количество составляет менее двух процентов. В древнерусских курганах ключи и замки зафиксированы как в мужских, так и в женских погребениях, что характерно также и для скандинавских некрополей. Эти изделия встречаются как в курганах с невыразительным и довольно бедным погребальным инвентарём, так и вместе с изделиями, характеризующими высокий социальный статус погребённого.

Небольшое количество находок замков и ключей характерно и для поселений. В этот период они ещё не являлись неотъемлемым атрибутом древнерусской бытовой культуры и не были широко распространены. Потребность в них была не велика, и пользовались ими немногие.

Например, в Новгороде на Неревском и Троицком раскопах, суммарная площадь которых составляет более 16 000 квадратных метров, в слое X века найдено всего 6 замков и 32 ключа. То есть сооружений, которые запирались на замки, было немного. Характерно, что в этот период не появилось новых типов замков и ключей, не было необходимости делать более сложные и надёжные механизмы. Этими изделиями пользовалась совсем небольшая группа населения, что подтверждает характеристику их роли, скорее, как демонстративную, призванную указать на запрет воспользоваться чужим имуществом.

Распространение замков и ключей показывает, что проблема безопасности своего жилища и имущества стояла довольно остро. В Русской Правде не оговариваются наказания за взломы, но примечателен текст новгородской берестяной грамоты № 247, датируемой второй половиной XI века. В ней сообщается о ложном обвинении некоего смерда в краже: «...обвиняет этого (человека) в ущербе на 40 резан. А замок цел и двери целы, и хозяин по этому поводу иска не предъявляет. Так что накази штрафом того обвинителя...»⁷.

Только во второй половине XII–XIII веке в Новгороде происходит резкий рост количества таких находок, что связано с ростом населения и увеличением плотности застройки.

Происхождение замков и ключей в Древней Руси связано с началом славяно-скандинавских контактов. Скандинавы оказали значительное влияние на формирование древнерусской материальной культуры, замки и ключи являются частью тех новаций, которые были привнесены ими вместе с новыми технологиями обработки железа (пакетная сварка), а также новыми видами продукции: ножами скандинавской конструкции, составными гребнями, заклёпками. Впоследствии

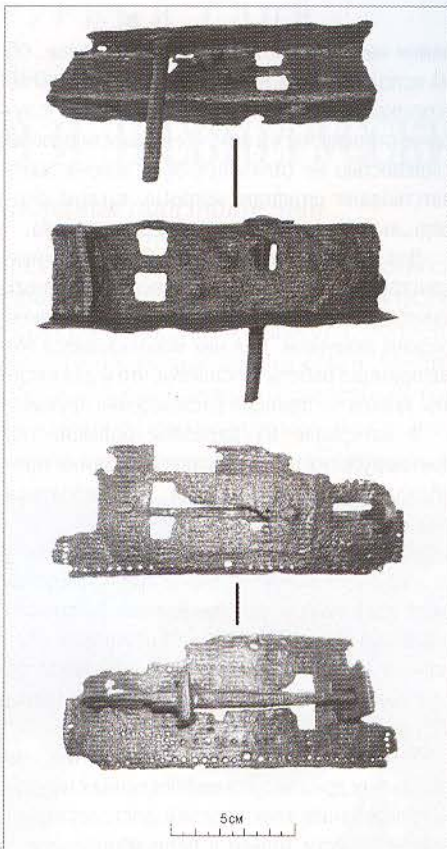
эти новшества успешно осваивались древнерусскими ремесленниками⁸.

Скандинавия была не единственным регионом, откуда могли прийти на территорию Древней Руси традиции замочного ремесла. Высокий уровень изготовления этих изделий был достигнут и в Византийской империи, где замочное ремесло продолжало традиции Римской империи. При этом никакого южного влияния в изготовлении древнерусских замков не фиксируется. Замки и ключи, происходящие из византийских слоёв Коринфа и Херсонеса, совершенно отличны от бытовавших на территории Древней Руси изделий. К византийскому кругу древностей можно отнести лишь два зооморфных замка в виде коньков (Гнёздовское поселение, Новгородский детинец) и три бронзовых ключа, подвешенных на кольце (Гнёздово, Кветунский могильник в Брянской области и Киевский некрополь).

Вопрос о том, когда на Руси началось собственное производство замков и ключей, пока остаётся открытым, поскольку следов замочных мастерских X–XI века не выявлено.

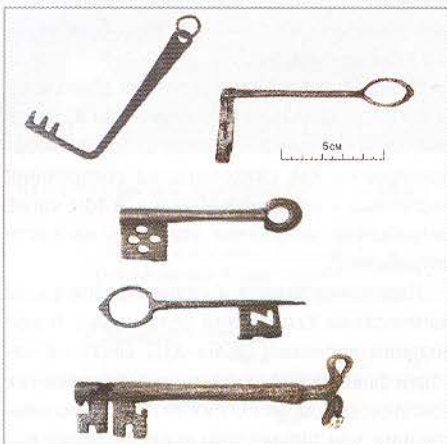
Если изготовление деревянных запоров и коленчатых ключей к ним (толькоковка) являлось довольно универсальным и не столь трудоёмким процессом, то производство призматических висячих замков с их сочетанием железных и стальных деталей требовало применения ряда сложных технологических приёмов (пайка с использованием медного припоя). Возможно, какая-то часть замков и ключей этого типа могла попасть в древнерусские города и поселения посредством импорта, или же они изготовлялись на месте по скандинавским образцам.

В X–XI столетиях замочное ремесло ещё не отделилось от кузнечного (замочки впервые упоминаются в писцовых книгах с середины XV века), к этому и не было предпосылок ввиду того, что спрос на эти изделия ещё не был таким высоким как в последующее время. Представляется, что замочное ремесло стало специализированным лишь в конце XII–го–XIII–м столетиях, когда производство замков и ключей становится массовым.

Нутряные замки (из раскопок в Новгороде).

Ключи к нутряным замкам (из раскопок в Новгороде).

Вплоть до середины XII века среди висячих замков господствует описанный выше тип с T-образной прорезью на корпусе. Со временем изделия становятся более массивными и качественными, а висячие замки, которые использовались сначала только в качестве запоров от сундуков, стали применять и как запоры от дверей.

Во второй половине XII–XIII веке появляются новые типы и варианты замков, с дополнительными усовершенствованиями, призванными увеличить надёжность. У замков меняется количество и конфигурация пружин, форма корпуса, расположение отверстия для ключа. У ключей становится более сложным рисунок лопасти. При этом и у более поздних типов висячих замков по-прежнему используется принцип работы замочного механизма, основанный на расхождении пружин. Типы висячих замков XIV–XV столетий являются переходными, предвещающими появление новых схем работы замочных механизмов, которые распространились в XVI–XVII веках.

В XII–XIII веках замки и ключи распространяются очень широко и окончательно становятся частью стандартного набора бытовых вещей, которыми пользовалось большинство жителей древнерусского города и деревни независимо от социального статуса. Изготовление этих изделий стало серийным, что характерно и для других отраслей древнерусского ремесла⁹.

Некоторое количество ключей резко выделяется по размерам и пышности орнамента. Это позволяет предположить, что они были сделаны на заказ, как и замки к ним. Характерной чертой является и высокая степень стандартизации этих изделий. Как на юге Руси, так и в северо-западных и северо-восточных землях использовали одни и те же типы замков и ключей, совершенно идентичные северо-европейским аналогам. Замки и ключи являются ярким свидетельством складывания древнерусской городской бытовой культуры, включившей в себя многие северо-европейские элементы.

Берестяная грамота № 247. Фото и прорись с сайта gramoty.ru.

Примечания

1. Спицын А. А. Отчёт о раскопках, произведённых в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губернии//Записки Отделения русской и славянской археологии РАО. Т. VIII. Вып. 1. СПб. 1906. С. 188, 206. Рис. 42 (без масштаба).
2. Gustafsson B. On Norse padlocks — production and use//Journal of Nordic Archaeological Science. № 15. 2005. P. 23.
3. Колчин Б. А. Техника обработки металла в Древней Руси. М. 1953. С. 47.
4. Макаров Н. А. Магические обряды при сокрытии клада на Руси//Советская археология. 1981. № 4. С. 262.
5. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М. 1999. С. 263–264, 511–512.
6. Ершова Т. Е. Серебряная подвеска с изображением тамги Рюриковичей из камерного погребения в Пскове//Краеугольный камень. К 80-летию А. Н. Кирпичникова. Т. 1. М. 2010. С. 287. Рис. 3.
7. Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М. 1963. С. 71.
8. Минасян Р. С. Старая Ладога — крупнейший производственный центр VIII–IX вв. в Восточной Европе//Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти А. Д. Мачинской. СПб. 1996. С. 36.
9. Колчин Б. А. Ремесло//Древняя Русь. Город. Замок. Село. М. 1985. С. 243.